

Рагнар Йонассон... привнес новые оттенки тьмы
в скандинавский нуар.

Daily Mail

РАГНАР
ЙОНАССОН

ЗАТМЕНИЕ

Романы Рагнара Йонассона
переведены на **36 языков**
и проданы тиражом
свыше **3 миллионов**
экземпляров.

Звезды мирового детектива

Рагнар Йонассон

Затмение

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.113.3
ББК 84(4Исл)-44

Йонассон Р.

Затмение / Р. Йонассон — «Азбука-Аттикус», 2011 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-22344-8

В глухом месте на севере Исландии обнаружено изуродованное тело. Офицер полиции Ари Тор, которому поручено расследование, пытается собрать всю информацию о жертве преступления, чтобы понять причины трагедии. Однако личность убитого интересует не только полицейского. Параллельное расследование ведет также журналистка из Рейкьявика, и движет ею не только желание написать сенсационный репортаж. В то же время в заброшенной деревеньке недалеко от места преступления томится взаперти, ожидая смерти, непальская девушка... Загадок становится все больше, прошлое играет с настоящим, напряжение нарастает, а сюжетные линии сплетаются в тугой клубок. «Затмение» – вторая книга в серии об Ари Торе, молодом детективе, который, оставив в Рейкьявике дом и возлюбленную, прибыл на службу в полиции в небольшой городок на севере страны, отрезанный от остального мира суровой природой. Книга вышла сразу вслед за «Снежной слепотой» и имела большой успех у читателей, как и другие книги Рагнара Йонассона, «короля скандинавского нуара», удостоенного престижных литературных наград и признанного одним из лучших современных писателей, работающих в жанре детектива. Впервые на русском языке!

УДК 821.113.3
ББК 84(4Исл)-44

ISBN 978-5-389-22344-8

© Йонассон Р., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Часть первая. Летний день	8
1	8
2	9
3	11
4	14
5	18
6	20
7	22
8	25
9	28
10	30
11	31
12	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Рагнар Йонассон

Затмение

Ragnar Jonasson
Myrknætti

© Ragnar Jonasson, 2011

© Т. Л. Шенявская, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Посвящается маме и папе

Автор благодарит жителей Сиглуфьордюра, Ландэйяра и других мест, в которых происходит действие его книги, но подчеркивает, что все события являются чистым вымыслом и персонажи не имеют реальных прототипов.

Особая благодарность за профессиональную помощь полицейскому Эйрику Рафну Рафнссону, государственному обвинителю Хюльде Мариш Стефансдоттир, врачам Хельги Эллерту Йоханссону и Йону Гуннлойгу Йонассону. Однако полную ответственность за произведение, включая все возможные ошибки, несет, разумеется, только сам автор.

Затмения людям
суждено пережить
в череде событий
бренной жизни.
Беды тяжкие
молча терпеть,
даром этим
Господь наделил.

Йон Гудмундссон (1574–1658)

Часть первая. Летний день

1

*How do you like Iceland?*¹

Да, он, по крайней мере, приехал в страну не за такими впечатлениями.

День начался хорошо, погожее июньское утро. Хотя между утром и вечером практически никакой разницы – светло круглые сутки. Эван Фейн уже давно очень хотел съездить в эту страну на самом краю земли.

Эван жил в Эдинбурге, изучал искусство. И это была его первая поездка в Исландию. Силы природы будто специально подготовились и, чтобы добавить серый цвет к черной полосе кризиса, пригласили людей на два извержения вулкана с коротким промежутком. Однако на данный момент извержения, похоже, закончились, и Эван их как раз пропустил. Он в Исландии уже несколько дней. Сначала осмотрел Рейкьявик и популярные достопримечательности в округе. Затем взял в аренду машину и отправился на север страны. Переночевал в кемпинге, встал рано и теперь держал путь в Скагафьордюр. Купил диск со старыми исландскими шлягерами и теперь слушал их в машине – не понимал ни единого слова, но наслаждался музыкой и гордился собой, тем, что он такой продвинутый турист, погружается в культуру стран, которые посещает. Он свернул с дороги у Сойдаркрокюра, хотел посмотреть купальню Греттира², она должна быть где-то недалеко, у самого берега.

Дорога к купальне была труднопроходимой. Эти поиски, разумеется, полное безумие с его стороны, но в то же время заманчиво немного расслабиться в дымящейся горячей воде, насладиться светом утреннего солнца и красотой природы. Он ехал медленно, прямо перед машиной то и дело возникали ягнята – или это он оказывался у них на пути. Купальни не было. Он уже начал бояться, что пропустил нужный поворот. Еще больше снижал скорость у каждого съезда, напряженно всматривался. Неужели проехал? Но вот он увидел красивый дом, правда, похоже, недостроенный. Дом стоял недалеко от дороги, перед ним припарковался маленький серый фургон.

Водитель фургона или, может, хозяин дома неподвижно лежал поблизости. Эван вздрогнул, заглушил двигатель прямо посреди дороги и побежал что есть мочи. Из скверных динамиков фургона по-прежнему орала исландская попса, что в сложившихся обстоятельствах производило почти абсурдное впечатление.

Судя по комплекции и коротко стриженным волосам, это был мужчина. И он мертвый. Лицо залито кровью, на месте одного глаза зияет рана, так что визуальное опознание практически исключено.

Эван судорожно ловил воздух ртом. Почти оцепенев, он уставился на труп, но затем быстро обернулся, словно проверяя, не стоит ли за спиной убийца. Кроме него самого и покойного, никого не было.

Рядом с телом лежал окровавленный кусок деревяшки, который, похоже, использовали как дубинку. Когда Эван заметил деревяшку, его вдруг вырвало, он постарался отогнать нахлынувший негатив, глубоко вдохнул, восстановил душевное спокойствие. Затем сел на лужайку перед домом и стал размышлять, что надо было выбирать другое место для летнего путешествия.

¹ Как вам Исландия? (англ.)

² Купальня Греттира (исл. Grettislaug) – геотермальная купальня, названная в честь главного героя древнеисландской «Саги о Греттире».

2

Исрун проснулась от жужжания мухи, залетевшей в открытое окно спальни, посмотрела на часы – черт возьми! Она могла бы еще поспать, на смену в новостной отдел ей только к половине десятого. День наверняка будет спокойным, извержение вулкана закончилось, событий в городе мало, началось лето. Полное затишье. Единственное задание в настоящий момент – подготовить какую-нибудь легкую и интересную новость о летнем празднике, на который они с оператором ходили днем ранее. Летнее настроение, чтобы завершить выпуск на радостной ноте. Репортаж точно поставят в последний выпуск или даже перенесут на завтра – такие новости всегда идут последними, и как только что-то случается, их сразу отодвигают.

Она проработала в новостном отделе уже десять лет, правда с перерывами. Начала еще в университете, параллельно с изучением психологии. Получив диплом бакалавра, попробовала работать в больнице, но там ей не хватало эмоциональных нагрузок новостного отдела, и она вернулась. Потом уехала в Данию, где училась в магистратуре по психологии; вернувшись, снова попыталась работать в больнице, на этот раз в Акюрейри. Однако полтора года назад уволилась из больницы, переехала в Рейкьявик и снова устроилась на работу в новостной отдел. Многие из прежних коллег ушли, их сменили новые лица, но некоторые все еще были на месте. В свое время она пришла устраиваться на телевидение, не рассчитывая на положительный ответ. Сдала пресловутый квалификационный экзамен, среди прочего должна была читать новости в студии звукозаписи и перед камерой в телестудии. Она, конечно, ждала результатов и надеялась, однако считала, что из-за шрама, оставшегося на лице после ожога, у нее нет шансов попасть на экран. Ожог она получила, когда ей было всего несколько месяцев: пожилая тетя опрокинула на нее дымящийся кофе. Шрам от давнего ожога проходил через всю щеку, с годами она, конечно, научилась прятать его под макияжем, но он все равно оставался заметным. Наверное, именно этот шрам стал причиной ее стремления работать телекорреспондентом, чтобы показать миру – как минимум телезрителям в Исландии, – что она не видела в этом препятствия.

Исрун села в кровати, потянулась. Жила одна, парня у нее не было уже два года. Так долго одна она еще не оставалась, до этого у нее обычно кто-то был; самые долгие отношения продолжались пять лет, но закончились, когда она уехала в Данию. А он не захотел ни поехать с ней, ни ее дожидаться. Ну и ладно, пусть живет.

Телевидение приносило ей намного больше, чем занятия психологией. Интерес к учебе с годами ослаб, но диплом магистра она все-таки получила – из чистого упрямства. Образование, однако, помогало ей в репортажах. Работа в новостном отделе давала ей возможность ежедневно получать новые впечатления, беседовать с интересными людьми, в лучшие дни ей даже удавалось сделать эксклюзив. Единственным недостатком этой работы был постоянный цейтнот. Хотя стресс в определенной степени и вызывал некоторое привыкание, как наркотик, прессинг времени затруднял проведение серьезных журналистских исследований. Недоукомплектованные смены и жесткий график сдачи материала к концу дня весьма поспособствовали тому, чтобы возможность длительное время сосредоточенно заниматься одним делом практически превратилась в nepозволительную роскошь.

Муха все еще жужжала где-то в комнате, Исрун попыталась снова закрыть глаза. И почему эта чертова муха не осталась на улице и не дала ей поспать?

Исрун встала с кровати. Раз она проснулась, нужно провести время с пользой. Оделась для бега и через несколько минут уже стояла на тротуаре, испытывая потребность в интенсивном движении. Она сделала глубокий вдох, но вместо привычной утренней свежести отчетливо ощутила какие-то незнакомые примеси. Неудивительно, что муха искала убежища в помещении.

Исрун жила в многоэтажном доме, в небольшой двухкомнатной квартире. Когда выдавалось время, любила бегать вдоль моря, вот и сейчас решила, что никакие примеси ее не останавливают. Предстоящий день явно не будет спокойным и однообразным.

Ее красного цвета «старушка» не подвела – на работе Исрун появилась вовремя; машину, которая уже довольно долго была в их семье, папа подарил ей на двадцатилетие. Формально машина относилась к ретромобилям, но служила ей верой и правдой. Движение по пути на работу было спокойным, и в этом одно из основных преимуществ, что не нужно приезжать раньше половины десятого. С другой стороны, остается совсем мало времени вечером, когда она наконец добирается домой после вечернего выпуска и следующей за ним летучки. Тогда уж лучше отвечать за последний выпуск, дома оказываешься практически ночью, но взамен свободна первая половина дня, которой она умела правильно распорядиться.

Черт, она совсем забыла, что сегодня и завтра старшим по смене будет Ивар. У них несколько натянутые отношения, так, во всяком случае, ей казалось. Его взяли в новостной отдел два года назад, когда она после окончания магистратуры пыталась закрепиться в психологии. Важная шишка – в своих собственных глазах, по крайней мере; в этом можно было не сомневаться, – он разогнал всех конкурентов. На нее все еще смотрел как на новичка, хотя по совокупности она проработала в СМИ больше, просто у нее были перерывы. Похоже, до сих пор не готов доверять ей серьезные дела, а она чувствует, что у нее нет сил настоять на своем, стукнув кулаком по столу. Вероятно, раньше она была сильнее, теперь же утратила веру в себя.

Исрун села за стол в зале совещаний. Ивар расположился в конце стола с маленьким блокнотом, никогда с ним не расставался, и стопкой листов с расписанными выпусками новостей, которые либо окажутся у кого-то из корреспондентов, либо в мусорной корзине.

– Исрун, ты уже что-нибудь сделала из отснятого на летнем празднике?

В его голосе действительно прозвучала ирония? Он на самом деле считает, что ей можно доверить только какую-то ерунду?

Или она просто стала слишком мнительной?

– Нет, как раз сегодня займусь. К вечеру что-нибудь сделаю. Две минуты?

– А сделай на полторы. Максимум.

Коллеги тем временем собрались за столом, и утренняя летучка началась. Наступал новый новостной день.

– Вы почувствовали примеси в воздухе сегодня утром? – спросил Кормакур, откинувшись в кресле и грызя карандаш. Обычно его все называли Комми, исключительно по той причине, что прозвище ему не нравилось.

– Да, наверняка это вулканический пепел нанесло, в результате извержения, насколько я понимаю, – ответил Ивар.

– Я-то думал, что извержение уже закончилось, – сказал Кормакур. – А мы, оказывается, сможем наскрести еще одну новость! – Он усмехнулся.

– Исрун, поколдуй над этим. Сделай какой-нибудь атмосферный репортаж. Извержение продолжается – Рейкьявик в опасности, понимаешь? Что-то в таком духе.

Ивар улыбнулся. Напыщенно, как ей показалось.

– А теперь к важным делам, – произнес он.

Именно — она с раздражением посмотрела на него.

– Насколько я знаю, сегодня утром на севере нашли тело, совсем рядом с Сойдаркюрюм, у какой-то новостройки. Но это все еще не подтверждено. Комми, возьмешься? Без сомнения, будет новость номер один сегодня вечером, если только снова не начнется извержение.

Кормакур кивнул:

– Пулей лечу.

День явно не останется без важных новостей. Только, разумеется, не у нее.

3

Ари представлялось невероятным, что ему удалось так долго продержаться в Сиглуфьордюре. Он переехал на север почти два года назад, незадолго до окончания школы полиции, куда поступил, бросив теологию. Первая зима стала для него чистейшим адом; казалось, единственная миссия тягостного, томительного снега – раздавить его. Но первое лето было полной противоположностью зимы – теплое, светлое. И вот уже позади вторая зима. Оторванность и темнота угнетали его, но ко всему ведь можно привыкнуть. Тем более, что при появлении солнца ему становилось намного легче. Начался июнь, и уже было несколько теплых дней; лето, конечно, сюда идет дольше, чем на юг страны, однако от севера иного ожидать трудно.

Томас, начальник полиции Сиглуфьордюра, позвонил ему сегодня утром и попросил приехать пораньше; его дежурство должно было начаться в полдень, но Ари выехал около девяти. По телефону Томас почти ничего не сказал, но голос у него был обеспокоенный. После того как жена уехала в столицу учиться, Томас вообще ходил мрачный. Кроме него, пожалуй, никто не верил, что она вернется в Сиглуфьордюр. Однако формально супруги все еще были вместе, чего нельзя сказать об Ари и его бывшей девушке Кристине. Их отношения закончились, хотя Ари до сих пор лелеял надежду вдохнуть жизнь в остывшие угли. Они с Кристиной начали встречаться больше четырех лет назад, он тогда изучал теологию, она – медицину. Любовь с первого взгляда, она вытащила его из скорлупы, если можно так выразиться. Он рано потерял родителей, рос с бабушкой и во всем мог рассчитывать только на себя. Рядом с Кристиной он обрел долгожданное тепло и чувство защищенности. Но когда он перебрался в Сиглуфьордюр, все разладилось. Она с самого начала была против его решения, осталась в Рейкьявике и даже не приехала к нему на Рождество. Его обидела ее реакция, постепенно их общение сошло на нет, и тогда он повел себя неправильно. Молодая женщина, у которой он брал уроки фортепиано, вскружила ему голову и заменила собой Кристину, давая ему чувство защищенности и тем самым спасая его от холода и одиночества в Сиглуфьордюре. Началось все с поцелуя, потом он оказался в ее спальне, однако между ними так ничего и не было. Но это не имело никакого значения – внутренне он изменил Кристине и считал, что ему нельзя верить ни в чем. На какое-то время он позволил снегу и тьме ослепить себя и решил, что влюбился. Но теперь точно знал, что на самом деле всегда любил лишь одну женщину – Кристину.

В приступе ложной влюбленности он позвонил Кристине, разорвал отношения, сказал, что встречается с другой. Разговор на этом прервался, он услышал в трубке какой-то шум, – скорее всего, она швырнула телефон на пол. Позже он узнал, что она отказалась от летней работы и ординатуры в Рейкьявике, чтобы переехать в Акюрейри и быть ближе к нему.

Черт возьми, как он мог быть таким безмозглым?

Его «связь» с местной девушкой прекратилась, как только он признался, что все это время у него в столице была девушка. Если бы она держала в руке мобильник, непременно бы запустила в него. Урокам фортепиано пришел конец.

Он скучал по Кристине. Несколько раз звонил, но безрезультатно; отправил несколько электронных писем, но не получил ответа. С тех пор как он последний раз пытался с ней связаться, прошло несколько месяцев. Тем не менее он знал, что она переехала в Акюрейри и закончила там ординатуру. Их общий друг также сообщил, что она устроилась на работу в больницу. Как же больно ему было осознавать, что она так близко и одновременно так далеко.

После этого Ари с головой окунулся в работу, выкладывался, как никогда прежде. Кроме работы, в его жизни теперь практически ничего не происходило.

Перед тем как пойти в участок, Ари собирался позавтракать, купив что-нибудь полезное. Его вытащили из постели и не дали времени на завтрак, но он не мог работать на пустой желудок. В городе было необычно много народа. У пристани утром пришвартовался маленький

круизный лайнер, и теперь жизнь буквально кипела: к школьникам, которые вышли на летние работы, вооружившись граблями и другим садоводческим инвентарем, добавились деловито фотографирующие туристы. Из пекарни доносился соблазнительный аромат корицы и шоколада, там как раз пекли сдобные булочки, которые, как вынужден был признать Ари, здесь вкуснее, чем в столице, но на полноценный завтрак все-таки не тянули. Он заглянул внутрь: в пекарне было полно туристов, поэтому выпечке придется подождать до лучших времен. Затем Ари отправился в небольшой рыбный магазин на Ратушной площади и попросил вяленую рыбу. Обычно он, конечно, не ест ее на завтрак, однако это вкусный и полезный перекус.

– Вам зубатку, как обычно? – спросил продавец.

– Да, будьте добры.

– Приятного аппетита, Преподобный.

Ари обиделся, заплатил за зубатку и холодно попрощался. Его иногда называли Преподобным; прозвище появилось, когда стало известно, что он некоторое время изучал теологию. Но он к нему так и не привык.

Когда Ари сел за столик в буфете полицейского участка и приступил к позднему завтраку, Томас быстро уловил запах зубатки.

– Снова эта вонь... Что за сермяжный вкус! Тебе когда-нибудь надоест?

– А мне казалось, я тут у вас за городского парня, – ответил Ари, продолжая есть как ни в чем не бывало.

– Кое-что случилось. Хлиню уже едет, он сегодня подежурит.

Томас очень изменился после того, как жена уехала в столицу, постарел на десять лет. Радость покинула его, волос на голове стало меньше, хотя и до этого он не мог похвастаться пышной шевелюрой.

Томас, без сомнения, страдал от одиночества. Ари знал, что их с женой младший сын тоже уехал из дома; во время учебного года жил в гимназическом интернате в Акюрейри, летом нашел там работу и снимал комнату вместе с двумя одноклассниками. Иногда приезжал в гости к отцу на выходные, только и всего. Так что в доме Томас остался один.

– Нашли труп, – объявил Томас.

– Труп?

– Да, в Скагафьордюре, у летнего дома, который строят недалеко от купальни Греттира.

– А нас это каким боком касается? – спросил Ари, но тут же раскаялся в своей грубости.

Он чувствовал себя уставшим; накануне вечером Ари дежурил и собирался выспаться.

– Труп нашел какой-то парень из Шотландии. Направлялся к купальне, а приехал прямо к трупу, – продолжил Томас, проигнорировав вопрос Ари. – Картина не для слабонервных, мне прислали несколько фотографий с места происшествия.

– Убийство?

– Никаких сомнений. Жестокое убийство, бедолагу практически нельзя опознать, его били дубинкой по лицу; кроме того, в дубинке был гвоздь, который, похоже, воткнулся ему прямо в глаз. Нас попросили помочь в расследовании. Он был зарегистрирован у нас в городе.

В устах Томаса такая формулировка означала, что покойный был родом не из Сиглуфьордюра.

– Приезжий? – уточнил Ари.

– Совершенно верно. Элиас Фрейссон. Насколько помню, мы с ним никогда не встречались. Подрядчик. Работал в тоннеле. Я сказал им, что мы соберем всю информацию о нем здесь, в городе. Хочу поручить тебе это дело. – Голос у Томаса был твердый и решительный. – Разумеется, я буду работать вместе с тобой, но пришло время брать на себя больше ответственности, Ари.

Тот кивнул. Это было ему по нраву. Ари сразу взбодрился, и усталость как рукой сняло. Он поймал себя на мысли, и уже не в первый раз, что Томас, по-видимому, рассматривает

возможность переезда в столицу, к жене, и хочет оставить отделение полиции в надежных руках.

– Ты сказал, что Хлинюр подежурит. Я правильно понимаю, что он не будет заниматься этим делом?

– Верно, командир, – подтвердил Томас.

Ари облегченно вздохнул; он надеялся, что его радость не слишком бросается в глаза. Но как работать вместе с Хлинюром, он просто не представлял. Они, что называется, не сошлись характерами; кроме того, в последние месяцы от Хлинюра было мало проку. На работу приходил усталым, похоже, не высыпался, вечно рассеян.

– Ну, тогда сразу к делу, – сказал Ари. – Ты не знаешь, кто был начальником Элиаса в тоннеле?

– Я знаю, что прораба там зовут Хакон. Хакон Халльдорссон. – Затем Томас добавил: – Он из Сиглуфьордюра.

Судя по тону, для него это была самая важная характеристика человека.

4

Придя в участок, Хлинюр Исаксон увидел, как Ари и Томас дружески беседуют. У него сразу же возникло ощущение, что у них есть какой-то общий секрет, но делиться с ним они не собираются. И в определенном смысле он был прав.

– Нам с Ари придется провести весь сегодняшний день в допросах, – сказал Томас как бы невзначай. – Недалеко от Крокюра умер мужчина, он как-то связан с Сиглуфьордюр.

Хлинюр кивнул, сделав вид, что его это мало волнует.

– Ты ведь сможешь сегодня подежурить? – спросил Томас и, не дожидаясь ответа, добавил: – А после обеда нужно сходить в школу вместо меня, у них сегодня окончание учебного года, и нас попросили вручить какие-то грамоты. Я собирался сделать это сам, но теперь сомневаюсь, что успею.

Сердце у Хлинюра забилося чаще. Выступил холодный пот. Это поручение он выполнить не мог.

– А почему бы Ари туда не сходить? – пробормотал он.

– Ты о чем? Ари будет на задании вместе со мной, я ведь ясно выразился, – бросил Томас. Хлинюр собирался что-то сказать, но не мог найти нужных слов. Наконец он выдал:

– Я... да... я не справлюсь. Лучше, если мы это просто пропустим.

– Мы не пропустим. Черт возьми! Ты пойдешь, и это не обсуждается.

Томас быстро направился к выходу. Хлинюр кивнул.

Он спрятал лицо в ладони; больше всего ему хотелось пойти домой, забраться под одеяло и уснуть. Он проработал с Томасом в Сиглуфьордюре шесть лет, полицейского опыта у него намного больше, чем у Ари, но в последние месяцы ему стало казаться, что расстановка сил меняется не в его пользу. По каким-то причинам Томас теперь больше доверял Ари. Сначала Хлинюр думал о мести, но затем смирился. Не мог не признать, что Ари действительно рыл носом землю, хотя их однотипные дела практически не давали возможности проявить свои умения и способности.

Сам же Хлинюр в последние месяцы, после того как стали приходить эти чертовы письма, был не в состоянии справляться с серьезными задачами.

– Ты начал терять целеустремленность, – как-то сказал ему Томас, еще в начале года.

Они тогда оба дежурили и вместе пили кофе в буфете полицейского участка. Хлинюр знал по опыту, что Томасу порой свойственно говорить без обиняков. Тем не менее Хлинюр чуть не подпрыгнул от неожиданности. Он не понимал, откуда дует ветер. Они только что обсуждали текущие дела. За окном, судя по всему, было холодно и зябко, то же самое можно сказать и о буфете в их отделении, тут мало что радовало глаз. В мойке несколько грязных чашек, никто не удосужился помыть, рядом с кофеваркой две открытые пачки шоколадного печенья. На столе старый календарь, который выпустил какой-то столичный банк в период экономического подъема; его не стали выкидывать, оставили в качестве сувенира.

Хлинюр посмотрел на Томаса и переспросил:

– Терять целеустремленность? Что ты имеешь в виду?

Хотя он и сам знал, что тот имеет в виду.

– Ты теряешь интерес к работе. Иногда выглядишь отрешенным, словно думаешь о чем-то своем. А кроме того, ты стал не таким исполнительным, как раньше, – резко бросил Томас.

– Я постараюсь собраться, – пробормотал Хлинюр.

– Что-то случилось?

– Нет, – ответил он, надеясь, что Томас не станет доискиваться до правды.

И тот оставил все как есть. А в целом он уже и так знал, что происходит. Разумеется, Хлинюр стал терять целеустремленность.

Первое электронное сообщение пришло чуть больше года назад, и это было как гром среди ясного неба. Хлинюр сидел в кровати с ноутбуком. Он жил в новой квартире, старые дома, где скрипела каждая половица, ему не нравились. В квартире же он чувствовал себя более или менее сносно. На самом деле она была больше, чем ему требовалось, и одну комнату он использовал как кладовку. Там стояли коробки с книгами, в которые он никогда не заглядывал, DVD, которые он никогда не смотрел, и одеждой, которую он уже не носил. Все это он привез с собой с юга, когда решил принять предложение о работе в Сиглуфьордюре.

Он вырос в Коупавогюре, был младшим из трех братьев, мама поднимала их одна. Днем она трудилась в мэрии города, а вечером бралась за любую подвернувшуюся работу, в основном за уборку. Хлинюр видел ее редко, в основном до смерти уставшей, когда она сидела за ужином с тремя сыновьями в большом многоквартирном доме. По понедельникам они всегда ели пикшу, это Хлинюр хорошо помнил, еда только домашняя – на полуфабрикаты не было денег. Семья вообще не могла позволить себе никакой роскоши.

Отец бросил мать вскоре после рождения Хлинюра. Позже сын узнал, что тот был хроническим алкоголиком, в запоях часто где-то пропадал, а после его рождения ушел из семьи насовсем. Завел себе подружку в Западных фьордах; когда не пил, брался за разные работы на море и на суше, в Рейкьявик приезжал редко. Мальчики росли без отца. Прожив на западе несколько лет, он однажды заснул мертвецки пьяным и больше не проснулся, тело исчерпало свои ресурсы. Мама почти год не говорила сыновьям о кончине отца, и на похороны они не ездили. Хлинюр неясно помнил тот день, когда она все-таки сообщила им эту новость. Старшие братья приняли печальное известие ближе к сердцу, чем Хлинюр. Постепенно стали винить его в трагической судьбе отца. «Папа ушел из дома, когда *ты* родился», – все чаще слышал он в свой адрес. Хлинюр так и не стал другом своим братьям – они объединились против него. Мама была слишком занята тем, чтобы сводить концы с концами, и ничего не замечала. Хлинюр не решился бросить вызов братьям, вместо этого он направил гнев и ненависть на тех своих соучеников, которым легко было нанести удар. Травля и насилие – он стал большим специалистом по плохому обращению с теми, кто слабее. И вот теперь пришло время расплаты за прошлое. Хотя еще в гимназическом возрасте он раскаялся в своих поступках. Гнев постепенно отпустил его; он стал испытывать сочувствие ко всем, с кем плохо обошелся, осознав, какие негативные последствия имели его поступки для невинных людей. Однако сначала никаких действий он не предпринимал, чтобы искупить старые грехи.

По окончании гимназии он уехал из дома и поступил в школу полиции, потом служил в разных уголках страны, в том числе и в Рейкьявике. Потеряв работу в столице в связи с сокращением, получил назначение в Сиглуфьордюр. Отношений с семьей практически не поддерживал; мама по-прежнему работала в мэрии Коупавогюра, но теперь не на полную ставку, она тоже стала жертвой сокращений. С братьями Хлинюр встречался, только когда бывал в столичном регионе и мама приглашала всех детей на обед; впрочем, случалось это редко, не чаще пары раз в год. Хлинюр смирился с таким положением вещей, с тем, что имел мало общего со своей семьей.

В Сиглуфьордюре он обрел пару-тройку хороших друзей, но вечера в основном проводил один перед телевизором, а сэкономленные деньги тратил на путешествия. В последний раз они с приятелем ездили в Англию на концерт, до этого – на матч английского чемпионата по футболу. За свою жизнь Хлинюр встречался с несколькими женщинами, в основном когда был помоложе и жил на юге. Сейчас у него имелась подруга в Сойдарккроюре, работала там в школе, но сама была родом с юга. Время от времени они встречались. Обычно он сам к ней ездил – она редко приезжала в Сиглуфьордюр. Иногда заскакивал в Крокюр к вечеру, когда не дежурил. Ехал обычно очень быстро, между грандиозных гор, вдоль величественного фьорда, в зловещей вечерней тьме – зимой и в красивом вечернем свете – летом. Смотрел на острова во фьорде, на одинокую скалу, Старуху, – она по-прежнему возвышалась у острова Драунгей,

хотя другая скала, Старик, уже давно исчезла в водах фьорда. Рассуждал, кому из них досталась худшая судьба: старику, которого уволокло к себе море, или оставшейся на берегу старухе.

Однако не любовные дела беспокоили Хлинюра в эти дни. Его ум целиком занимали проклятые электронные письма. Он не мог не думать о прошлом. Плохо спал по ночам, иногда лежал совсем без сна, мучаясь от уколов совести. Он давно уже удалил первое сообщение из почтового ящика. Не стал на него отвечать и постарался о нем забыть. По адресу нельзя было определить отправителя; этот адрес завели на бесплатном зарубежном хостинге только для того, чтобы его запугать.

Ему нужно было отследить письмо, но в то же время он не хотел этого. Хлинюр точно знал – или считал, что знает, – почему получил такое сообщение, и не мог допустить, чтобы о нем узнали коллеги. К тому же он надеялся, что на этом все и закончится. Одно электронное письмо, чтобы его немного встряхнуть.

Но он ошибся. Первое письмо пришло годом ранее, в воскресенье, 10 мая, ровно в полдень. Следующее – чуть больше двух месяцев спустя. С того же адреса, что и раньше, без подписи. Тот же самый текст.

На этот раз он не удалил сообщение, а напротив, регулярно просматривал его на работе и дома как напоминание о своих жестоких поступках.

Хлинюр злился на себя за те грехи, которые совершил в прежние дни. Прилагал все усилия, чтобы искупить их, и в частности, слил информацию о полицейском расследовании бывшему однокласснику, который в свое время стал его жертвой. Однако он предчувствовал, что когда-нибудь настанет день, когда действительно придется платить по счетам, – и такой день, похоже, настал. Сообщения продолжали приходить – всегда один и тот же текст. Он все их хранил и часто перечитывал, исполненный презрения к самому себе.

По-прежнему ни на одно сообщение он не ответил. Ему было нечего сказать, он не мог найти себе никаких оправданий. Чувствовал себя как обвиняемый на судебном заседании, который отказался от защитника и последнего слова – решил просто ждать приговора.

Хлинюр хорошо помнил этого мальчика. Они с шести лет учились в одном классе. Его звали Гойти, крепкий, в очках с толстыми стеклами, говорил мало, немного застенчивый. Хлинюр начал задирать его в первый же школьный день. Он не пропускал и многих других одноклассников, но Гойти был его любимой мишенью. Никогда не давал сдачи и, казалось, все глубже забирался в свою скорлупу по мере того, как нападки становились все жестче. Первые годы насилие было исключительно моральным: шуточки в адрес Гойти на уроках и переменах, насмешки, которые на поверхности казались такими невинными, что учителя не обращали на них внимания, но на самом деле были похожи на хорошо продуманную психологическую травлю. Хлинюр всегда с легкостью прессовал людей; у него и теперь был особый прием, чтобы на допросах заставлять подозреваемых признаваться.

Шли школьные годы, и травля как Гойти, так и других несчастных соучеников Хлинюра становилась все более грубой и жестокой, иногда даже случались побои. Хлинюр был сильным не по годам и всю этим пользовался. Гойти, как и прежде, приходилось хуже всех. Особенно на уроках плавания. У Хлинюра была привычка, пока учитель не видел, держать Гойти под водой, постоянно увеличивая время, а потом отпускать его, нашептывая одни и те же слова. *Скоро я научу тебя умирать.*

Он не понимал, почему Гойти не сдавался, почему не перестал ходить в школу. Словно дал зарок не отступать. С другой стороны, он часто болел – возможно, даже слишком часто.

Сейчас Хлинюр с трудом мог думать о тех годах. Угрызения совести стали требовательным спутником его взрослой жизни. Он изо всех сил старался все исправить, всей душой раскаивался, но иногда воспоминания о школе, вонзаясь тысячей иголок, его одолевали. Его, такого сильного. Какими же тогда эти воспоминания были у тех, кого он дразнил, бил и мучил целыми днями?

Относительно причины этих ужасных писем он не сомневался. Знал, что они связаны с травлей Гойти, и понимал, за какие именно грехи ему предстоит заплатить. Сообщения были абсолютно одинаковыми. Только одно предложение.

Скоро я научу тебя умирать.

5

Кристина стояла на стартовой площадке восемнадцатой лунки. На поле она пришла рано, тогда оно еще пустовало, но теперь заполнялось игроками. В гольфе было что-то успокаивающее – возможность забыть о работе, вдохнуть свежего воздуха. Забыть Ари и все переживания, с ним связанные.

Поле для гольфа было для нее своего рода оазисом в пустыне, источником, из которого она черпала силы для предстоящего дня.

Неожиданно для себя она очень полюбила гольф. Записалась в секцию прошлым летом, чтобы вспомнить, чему училась в детстве вместе с родителями. Весной, когда потеплело, снова достала клюшки и стала регулярно ходить на поле, в основном ранним утром.

В студенческие годы она редко отрывалась от учебников и теперь испытывала постоянную потребность двигаться, чтобы поддерживать себя в форме. Нагрузки на работе оказались сильнее, чем она ожидала, учеба по сравнению с ними – детская игра. Возможно, это и стало причиной недавно пробудившегося у нее интереса к спорту. Однако в глубине души она подозревала, что все дело в Ари, точнее – в его полном неприятии гольфа. Он неоднократно насмеялся над их общими друзьями и знакомыми, которые занимались этим видом спорта, и считал, что лучше настроенная таблица на экране, чем телевизионные трансляции турниров по гольфу.

Так что теперь она могла убить двух зайцев: быть уверенной, что не натолкнется на Ари, и, кроме того, хотя бы заочно насолить ему, занимаясь тем, к чему он испытывал отвращение. Она не разговаривала с Ари уже почти полтора года. С того момента, как он рассказал или, скорее, намекнул, что изменил ей с какой-то овцой из Сиглуфьордюра. Она не смогла дослушать и вообще больше пользоваться тем телефоном: швырнула об пол и разбила его вдребезги. А ведь всегда была такой спокойной и беззлобной. Когда Ари признался в измене, ее словно ударили в лицо, и она впала в полное отчаяние. Конечно, после того, как он, не посоветовавшись, решил переехать в Сиглуфьордюр, их отношения стали несколько натянутыми, однако она не перестала рисовать в воображении их совместную жизнь в уютном пригородном таунхаусе с детьми и, возможно, собакой. Кристина старалась убедить себя в том, что уже оправилась от шока, пришла в себя, но понимала, что это не так. Требовалось больше времени. Ари, конечно, потом пытался с ней связаться. Бесчисленные телефонные звонки и электронные сообщения, на которые она не отвечала. Иного он не заслуживал.

Она и не предполагала, что была настолько влюблена и что разбитое сердце может так болеть. Отчасти была даже рада, что не расспросила его об отношениях с этой провинциальной девчонкой, – лучше ей ничего не знать. С другой стороны, ее захлестывали фантазии. Она испытывала к сопернице ненависть, хотя никогда ее не видела и не знала, как зовут.

В остальном жизнь текла по накатанной колее. Работа, работа и снова работа.

Она закрыла последнюю лунку на паре. Единственный пар сегодня. Бывали дни и лучше.

Кристина начала привыкать к жизни в Акюрейри. Придя в себя после разговора с Ари, она позвонила в Национальную больницу, чтобы узнать, нельзя ли ей вернуться на свою летнюю работу, хотя, как она прекрасно знала, место уже отдали ее подруге, а другого не было. Ей, типичной столичной жительнице, пришлось смириться с переездом в провинцию, и она нашла себе маленькую квартирку в Акюрейри. В городе у нее практически не было знакомых – только Натан, их общий с Ари приятель, он учился там в университете. Иногда они встречались за кофе. У нее, конечно, были подозрения, что Натан сливает информацию, но она их не высказывала; пусть Ари знает, что у нее все хорошо. Что она давно уже успокоилась. Хотя это и не совсем так, но она работала над этим и очень надеялась на помощь мужчины, которого

встретила на поле для гольфа. Они познакомились три недели назад, на первой лунке. Было семь часов утра, и она не ожидала никого увидеть. Тем не менее он появился практически одновременно с ней и, узнав, что она одна, предложил играть вместе. Одному как-то скучно, задорно сказал он. Она кивнула, хотя придерживалась другого мнения. Ей очень нравилось играть одной: никто не мешает, только она и свежий утренний воздух, одна в мире. Тем не менее она приняла его предложение: он был чертовски привлекателен.

Сообщил, что компьютерщик-фрилансер. Значительно старше ее. Впрочем, это не имело никакого значения, раз им хорошо вместе. Может, Ари был для нее слишком молод? Ей, наверное, просто больше нравятся мужчины постарше, когда в волосах начинает пробиваться респектабельная седина...

Он предложил снова встретиться через несколько дней, и тогда они сыграли еще девять лунок. Затем вечером в пятницу у них состоялось первое свидание в маленьком кафе. Она пришла вовремя, но он уже сидел за столиком и заказал им яблочный пирог со взбитыми сливками и горячее какао. Разве не идеальный мужчина?

Кристина предупредила его, что приходит в себя после долгих отношений. Он сказал, что находится в аналогичном положении, а позже признался, что потерял жену.

На той же неделе они встретились еще раз, в обеденный перерыв, взяли рыбу в ресторанчике в центре города. Но это свидание вышло неудачным, они практически не могли разговаривать из-за стука стаканов и приборов гостей бизнес-ланча. Он хотел непременно пригласить ее на ужин, но график дежурств не давал ей возможности согласиться, однако впереди была неделя лучше.

Думая о предстоящем дне, она села в машину, старую японскую машину, которую купила за хорошую цену в салоне, – джипу класса люкс придется подождать, пока образование не начнет приносить серьезные деньги. Погожий летний день, но в больнице он такой однообразный. Скучный. Все дни на работе казались довольно скучными. Неужели она растратила энергию на изучение того, что, видимо, ей совсем не подходило? Но, может быть, со временем все изменится. Первые годы ведь самые трудные. Кто-то сказал, что быть врачом – это призвание, а не работа, что каждый день как маленькое чудо. Она ничего подобного не чувствовала, и на работу ее ноги не несли. Наверное, Ари поступил разумнее, когда бросил свою теологию, поняв, что это не его, и занялся совсем другим делом. Она улыбнулась, удивившись самой себе. Конечно, такое не могло пройти бесследно. Сказалась усталость, долгие дежурства, ничего более.

Затем она поняла, что все еще думает об Ари.

Было трудно выбросить его из головы.

6

Рейкьявик – за год до обнаружения тела

В тот день я до смерти устала. Поработав клиническим психологом, я снова вернулась в новостной отдел. Раньше все это было проще. И я была моложе. Теперь мне под тридцать; это тот возраст, когда со многим приходится прощаться и самое время повзростеть.

Я сидела за ноутбуком, минуты медленно текли, старалась освободить голову от всех мыслей. Затем легла на старый синий диван в гостиной и закрыла глаза. Диван я купила на блошином рынке. Красивый, но не очень удобный, однако после тяжелого рабочего дня не было никаких сил тащиться в спальню.

Нужно было привыкать к новому ритму. В последнее время я постоянно чувствовала какой-то дискомфорт, слишком высокое давление, боль в горле, нервное напряжение. В новостном отделе всегда царила суета и спешка. Выпуск новостей выходил на экраны каждый вечер в одно и то же время и стоил всем больших нервов – репортажи нужно было готовить точно в срок. Платили же за такую работу невероятно мало, учитывая стресс и высокий темп. В больнице, напротив, тянулись мертвые часы и даже дни, когда за мной никто не бежал и можно было дышать спокойно. В новостном отделе сама мысль об этом была абсурдной. Но там была жизнь. Раз, два, три – задание получено, несколько телефонных звонков, выезд на место с оператором, интервью записано, смонтировано, загружено в выпуск – все готово за рекордно короткое время. И так каждый божий день. Но я получала от этого огромное удовольствие.

По счастью, я собиралась в недельный отпуск, хотела написать статью о своей бабушке, которую никогда не видела. Статью планировал осенью опубликовать один журнал как историю домохозяйки в послевоенные годы. Грустную историю, по правде говоря.

Я хорошо знала, почему так хотела написать эту статью.

В мыслях я перенеслась назад во времени.

Я была маленькой девочкой, сидела в садовом кресле за старым столом посреди двора у дедушки в Ландэйяре. Двор утопал в лучах летнего солнца – дедушкина мастерская, деревянный сарай с маленькими окнами, где также хранились сломанные шезлонги и игрушки, старое седло, бадминтонные ракетки с растянутыми или порванными струнами и сдутые мячи. Тепло, но слабый ветерок. Сад немного запущен. Разведение роз ушло в прошлое после того, как дедушка Лаурус потерял жену – Исбьёрг, мою бабушку.

Мы с родителями приехали к дедушке погостить на неделю, и мама с папой отправились на прогулку верхом. Я сидела во дворе одна, мне было тогда лет восемь-девять. Появился дедушка с большой коробкой в руках.

– Здесь разные вещи, которые принадлежали твоей бабушке, – сказал дедушка, проникновенно глядя на меня. – Я наводил порядок в чулане и нашел там коробку. Твой папа или его сестры сложили туда эти вещи после ее смерти. Но кое от чего следует избавиться.

Меня окрестили в честь обеих бабушек – Исбьёрг, бабушки по отцу, и фарерской бабушки по матери, которую звали Хейдрун. Получилось имя Исрун, и я им очень довольна. Бабушка Исбьёрг скончалась рано, не дожив и до шестидесяти. «Твоя бабушка слишком много курила, – постоянно твердил отец, – вот и умерла от рака». Я курить даже не пробовала.

У меня не было возможности встретиться с бабушкой Исбьёрг. Она умерла за несколько лет до моего появления на свет. К бабушке и дедушке на Фарерских островах я ездила редко. Иное дело дедушка Лаурус из Ландэйяра: мы гостили у него по несколько раз в год, а зимы он часто проводил в Рейкьявике – у нас или папиных сестер.

Я чувствовала сильную связь с бабушкой Исбьёрг. Мне многие говорили, что я на нее очень похожа – и внешне, и манерами. Она была как далекий призрак, женщина, с которой я никогда не встречалась, но имела много общего. Я часто задумывалась о том, как было бы здорово с ней познакомиться. И почему болезнь забрала ее у меня?

Когда в тот летний день дедушка вынес во двор эту коробку, мое сердце забилося быстрее. Вещи бабушки!

Прихватив еще и мешок для мусора, он начал копаться в коробке. В мусор отправились какие-то счета, затем он достал старую тетрадь.

– Ее рецепты. Не хочешь забрать?

Как дорогое сокровище, я с радостью взяла эту тетрадь. После того как уехала из дома, я храню ее на кухне и часто использую рецепты.

Потом из коробки показался дневник. Потрепанный, но в красивом переплете со старомодным замочком. Ключа нигде не было видно, но это не стало большим препятствием.

– Твоя бабушка вела этот дневник в юные годы и потом, когда заболела, пока могла держать ручку в руках, – сказал дедушка Лаурус.

– Могу я его взять?

Мне хотелось вырвать дневник из дедушкиных рук и открыть замок.

– Она мне никогда не показывала свои записи.

– Могу я его взять? – повторила я.

– Взять? Нет, от него нужно избавиться. Она писала только для себя. Ни для кого другого.

Дедушка бросил дневник в мешок для мусора. Я намеревалась тайком вытащить его оттуда при случае, но мой план тут же был разрушен.

– Пойду кину в топку.

Я поплелась следом в надежде, что он передумает.

Мне просто необходимо было прочитать этот дневник.

Это был мой единственный шанс заглянуть во внутренний мир бабушки Исбьёрг.

Когда дедушка взял мешок с мусором и бросил его содержимое в топку, секунды тянулись как при замедленном повторе по телевизору.

Это было так жестоко и бесповоротно.

В последующие годы я раз за разом прокручивала это событие в голове, пыталась представить, что было написано в бабушкином дневнике, канувшем в вечность.

7

Новость об обнаружении тела разлетелась не без помощи сетевых СМИ, которые быстро взяли верный след. Однако информация о том, что покойный проживал в Сиглуфьордюре, пока еще не просочилась. Жизнь в городе шла своим чередом.

День обещал быть солнечным, боги погоды не заставили небо плакать, хотя одному из жителей была уготована чудовищная смерть.

Ари договорился с прорабом Хакон Халльдорссоном о встрече в кафе у причала для маломерных судов. Как сообщил Томас, этот неисчерпаемый источник информации о жителях города, Хакон – местная знаменитость, раньше был солистом популярной группы, гастролировавшей по всей стране и записавшей три пластинки. Сейчас ему уже за пятьдесят, но он так и не вышел из роли поп-звезды и в хорошую погоду разъезжал на старой красной спортивной машине марки «МГ», которую Ари не мог не заметить на городских улицах. Красивая машина.

Завидев Ари, Хакон встал. Он был крепкого телосложения, с наметившимся животом, одет в черную кожаную куртку, свитер и джинсы; лето не могло сбить его с толку, и он не позволял пронизывающему северному ветру себя застудить. Невысокого роста, коротко стриженные седые волосы и седая борода. Он поздоровался с Ари крепким рукопожатием и радостным тоном спросил:

– Так вы не священник?

– Нет, – вздохнув, ответил Ари. – Меня зовут Ари Тор.

Хакон снова опустился на стул. Он сидел за столиком на улице перед дымящейся чашкой и пригласил Ари присоединиться к нему.

– Ну тогда простите. Думал, вы теолог. А что случилось?

По телефону Ари уже пояснил, что хотел бы поговорить об одном из его сотрудников.

– Это касается найденного в Скагафьордюре тела.

Хакон и ухом не повел, выражение его лица оставалось таким же неизменным, как и горы, рядом с которыми он вырос. Чтобы вывести его из равновесия, требовалось нечто большее, чем убийство.

– Вы ничего об этом не слышали? – поинтересовался Ари.

– Ну, было в новостях сегодня утром. Это ведь убийство? Я так понял. – Хакон по-прежнему сохранял спокойствие. – Неужели убили кого-то из моих людей? – В его голосе появились нотки беспокойства.

– Да, – кратко ответил Ари. – Только я хочу попросить вас пока держать эту информацию при себе. Мы не собираемся обнародовать имя убитого прямо сейчас.

Хакон кивнул, но Ари понимал, что имя все равно мгновенно просочится в СМИ, не через Хакона, так через кого-то другого.

– Его звали Элиас... Элиас Фрейссон.

– Элиас, вот как... – На лице Хакона отобразилось удивление. – А я-то считал его хорошим парнем.

– Хороших парней тоже убивают.

Хакон пробормотал себе под нос:

– И это верно.

– Он у вас долго работал?

– На самом деле он у меня не работал, – небрежно ответил Хакон. – Элиас был самостоятельным подрядчиком – он трудился с нами в тоннеле почти полтора года. Их было четверо, он и три парня, которые у него работали... Я говорю парни, хотя один из них был старше Элиаса и остальных.

Прежде чем пойти на встречу с Хаконем, Ари собрал основную информацию о покойном. Элиасу было тридцать четыре года, проживал в Сиглуфьордюре, не женат, детей нет.

– Насколько я знаю, он жил в городе, на улице Хваннейрарбройт. Это так? – спросил Ари официальным тоном.

– Так. Он снимал квартиру у Норы, недалеко от бассейна. Я там никогда не был. Хакон сделал глоток кофе.

– Он жил в городе постоянно?

– Думаю, да. Конечно, брал еще заказы в разных местах. Последним был какой-то летний дом... кстати, как раз в Скагафьордюре. Тело ведь там нашли? Бедный парень.

В голосе Хакона впервые за время их разговора прозвучало сочувствие, он будто только сейчас осознал, что его коллеги больше нет.

– Буквально в двух словах, – решительным тоном сказал Ари, – вы не могли бы сообщить мне какие-то сведения о тех, кто с ним работал?

Вырвав листок из блокнота, он протянул его Хакону, который написал на нем три имени, затем, порывшись в телефоне, добавил три номера.

– Вот, пожалуйста. Все они прекрасные парни.

И не убийцы, подразумевалось под этими словами.

Ари собрался вставать. Он видел, как рядом останавливались прохожие. Они то и дело поглядывали в их сторону, но делали вид, что смотрят на катера или на роскошный круизный лайнер. Несомненно, гадают, почему прораб из тоннеля беседует с полицейским. Такие новости расходятся быстро.

– Послушай, дружище, – обратился к нему Хакон, – тебе нужно поговорить с этим художником. А те парни и мухи не обидят.

Ари приподнялся.

– Послушай, дружище, – ответил он, – не надо говорить мне, как я должен выполнять свою работу...

Ничуть не смутившись, Хакон перебил Ари:

– Ну да, конечно, прости, дружище.

«Хоть ты и старая поп-звезда...» – произнес про себя Ари, но вслух спросил:

– И о каком художнике вы говорите?

– Его зовут Йои. Всегда называет себя только Йои. Он перформщик... Бог знает, что это значит. А еще он, ну, ты же знаешь...

– Нет, не знаю.

Ари спокойно ждал, пока Хакон подберет нужное слово.

– Ну, этот... защитник окружающей среды. – В голосе Хакона звучало плохо скрытое негодование.

– И они с Элиасом были знакомы?

– Да, вместе работали над благотворительным концертом, который должен состояться в Акюрейри. Элиас был полностью погружен в меценатство, он организовывал концерты для фонда, которым руководит Нора. «Помощь на дому», ну, ты знаешь...

На этот раз Ари действительно знал: фонд учредили вскоре после банковского кризиса для помощи жителям Северной Исландии, которые потеряли сбережения, работу и теперь с трудом сводили концы с концами. Это была частная инициатива нескольких преуспевающих благотворителей, в частности из Сиглуфьордюра. Ари и сам отдал несколько тысяч, когда собирали добровольные пожертвования.

– И как проходило ваше сотрудничество? Йои собирался показать свой перформанс на предстоящем концерте? Элиас работал в фонде «Помощь на дому»?

Ари тут же пожалел, что задал так много вопросов одним махом, это, вообще-то, фундаментальная ошибка при допросе. Но Хакона, похоже, это не сбило с толку, и он принялся добросовестно отвечать:

– Ну, смотри... Элли... Элиас вызвался весной организовать концерт, средства от которого должны были направить в этот благотворительный фонд. Взял на себя всю подготовку. Йои собирался на этом концерте петь, он трубадур по совместительству. Однако что-то у них не заладилось, и больше я ничего не знаю. Короче, тебе нужно допросить Йои, а не этих бедных работяг. – Он усмехнулся.

Поднявшись, Ари сказал:

– Посмотрим. Спасибо за разговор... дружище.

И решительным шагом направился прочь.

8

После утренней летучки Исрун позвонила в метеобюро, чтобы узнать насчет пепла, который появился в городе. Там дежурила молоденькая девушка, только недавно получившая диплом, но знавшая о пепле и загрязнении воздуха в Рейкьявике все, что требовалось. Кладезь информации, идеально подходила для интервью. Но когда Исрун ей об этом сообщила, девушка растерялась, у нее стал заплетаться язык, и она наотрез отказалась от съемки.

– А вы не можете просто рассказать об этом с моих слов? – предложила она.

– К сожалению, так не получится, – сказала Исрун и привела доводы, к которым ей уже не раз приходилось прибегать в аналогичной ситуации: – В новостном репортаже очень важно, чтобы зрители видели моего собеседника. Вам просто нужно повторить еще раз то, что вы рассказали мне по телефону, только теперь будет работать камера. – Затем приврала: – Вы ее даже не заметите.

Исрун приложила немало усилий, чтобы убедить эту милую девушку согласиться на интервью. И та в конце концов сдалась, но у Исрун зародилось сомнение в том, что это была хорошая идея. Беспокойные собеседники иногда очень плохо смотрятся на экране, и приходится переснимать их ответы снова и снова, даже короткие предложения. Лучше уж политики: они-то, как правило, умеют свободно говорить.

– А люди точно не заметят на своих экранах, что я нервничаю? – спросила девушка.

– Бог с вами, никто ничего не заметит.

– Но если выйдет плохо, вы ведь удалите интервью? И взамен просто приведете мои слова?

– Разумеется, – снова соврала она и даже почувствовала легкий укол совести, но цель оправдывала средства.

Эта женщина знала все о пеплопаде и вулканическом загрязнении, и с собеседником в кадре репортаж явно будет живее. Но на практике интервью получилось ужасным. После десятого дубля оператор бросил на Исрун недобрый взгляд – и был готов убить ее.

Наконец она сказала:

– Ладно, нам пора идти. Думаю, я смогу что-нибудь из этого сделать.

– Надеюсь.

Прощаясь, девушка пожала Исрун руку, ее ладони были влажными от пота.

Да, вот оно как бывает: для некоторых и минута славы – это тяжелое бремя, с удивлением подумала Исрун.

– В течение дня ситуация будет ухудшаться, – предупредила девушка из метеобюро.

И это была хорошая новость – возможно, пойдет в начальный блок выпуска, хотя обнаружение тела, разумеется, новость номер один.

Когда Исрун вернулась в отдел, все только и говорили об убийстве.

– Мы выяснили его имя, – крикнул Ивар Кормаку. – Элиас Фрейссон. Зарегистрирован в Сиглуфьордюре. Подрядчик. Занимался какой-то благотворительностью на севере. И это придает делу новый интересный поворот. Убит филантроп! Что-то в этом духе. Поищи какой-нибудь хороший ракурс.

– Хороший ракурс? – переспросил Кормаку. – Человека убили. Неужели этого недостаточно?

Ивар растерянно улыбнулся и обратился к Исрун, зная, что та насмеяться не будет:

– Как там твои новостишки?

– Хорошо.

Она беспокойно отвела взгляд. Раньше она никому не позволила бы так себя топтать.

– Ивар.

Он поднял глаза. У стола стояла Исрун. Что она, собственно, хотела? Может, пристыдить его за шутку о «новостишках» спустя четверть часа. Вряд ли.

– А ты разве не должна заканчивать сюжет о вулканическом пепле? – резко спросил Ивар.

На работе он ни с кем не стремился быть вежливым. Разумеется, за исключением начальства.

Она замялась.

– Ну, давай прямо к делу. – Он тяжело вздохнул.

– Я хотела бы посмотреть это дело об убийстве вместе с Комми. У меня сейчас как раз есть время. – От волнения у нее покраснели щеки.

– Есть время? Звучит не очень хорошо.

– В ближайшие дни я дежурю, так что легко смогу на этом сосредоточиться, – сказала она более решительно, чем обычно.

Он удивленно пожал плечами:

– У нас не так много людей, чтобы направить туда сразу двоих. Ты смонтировала сюжет о лете?

– Нет еще, но в целом он практически готов. Разве стажеры не могут его закончить?

– Посмотрим. Мы, вероятно, поставим его в поздние новости. А выброс пепла? – Ивар начинал терять терпение.

– Ну... я взяла интервью у сотрудницы метеобюро. Его можно будет использовать, – сказала она сконфуженно, затем добавила: – Я бы хотела поехать на север.

– На север? – переспросил Ивар удивленно.

– Да, на север, в Скагафьордюр. Туда, где нашли тело. Возможно, и в Сиглуфьордюр.

– Черт возьми, Исрун, мы не можем вот так взять и отправить тебя в провинцию. Вопрос исчерпан.

– Но...

– Вопрос исчерпан.

– Дело в том... – она понизила голос и наклонилась к нему, – что мне тут недавно звонили. Думаю, нам нельзя этого упускать.

– Звонили? Рассказывай. Кто звонил? – спросил он резким голосом.

– К сожалению, я не могу сказать.

– Почему не можешь, черт возьми? – Он даже перестал стучать по столу.

– Звонил мой друг из Акюрейри. Сказал, что знает этого типа. Но я не уверена, что могу об этом рассказывать.

Ивар понизил голос:

– Не тани уже!

– Тогда ты должен разрешить мне заняться этим делом.

– Черт возьми. Хорошо. Делай, что хочешь.

Хотя это не предвещало ничего хорошего. Если так пойдет, она может стать опасным соперником в борьбе за кресло руководителя отдела.

– Он сообщил мне, что Элиас был замешан в контрабанде наркотиков там, на севере, – прошептала она, словно разглашала государственную тайну.

– В контрабанде наркотиков? Серьезно? – Ивар удивленно вскинул брови. – Постарайся что-нибудь об этом нарыть. Но я не могу обещать, что мы компенсируем тебе расходы на бензин и проживание. Разве что привезешь сенсацию. – Затем добавил: – И с оператором не могу помочь. Тебе придется самой договариваться с нашим корреспондентом на севере. Но только если возьмешь серьезное интервью. В противном случае просто сделаешь наброски и пришлешь текст Комми, чтобы тот использовал их в своем сюжете.

Последние слова он выделил особо. Если из этого действительно что-то выйдет, пусть лучше слава достанется Комми, а не Исрун.

– Отлично.

Она улыбнулась. Он редко видел, чтобы она улыбалась.

– Я поеду во второй половине дня. О расходах на гостиницу не беспокойся, я знаю, где в Акюрейри можно недорого остановиться. Я хорошо ориентируюсь в городе, ведь в свое время работала там в больнице.

– Ну да, действительно. А кстати, почему ты ушла оттуда?

И почему тебе спокойно не сиделось на севере?

Тогда бы ты сейчас не маячила у меня перед глазами.

Исрун не ответила на последний вопрос, не обратила на него внимания. Ответ застал бы Ивара врасплох; возможно, ей удалось бы выбить его из колеи, хотя бы один раз.

Исрун была довольна, что добилась своего. Она едет на север.

Возможно, с этой выдумкой о том, что Элиас замешан в контрабанде наркотиков, она и переборщила.

Немного белой лжи, но ведь без нее она бы вряд ли получила возможность заниматься этим делом.

9

Южная Исландия – за год до обнаружения тела

Вот и начался мой недельный отпуск. Надеюсь, мне удастся преодолеть усталость и стресс в тишине Южной Исландии.

Я собиралась писать статью о бабушке – и в каком-то смысле все еще искала ее дневник. Хотя дедушка на моих глазах бросил его в топку.

Разумеется, я понимала, что дневник безвозвратно утрачен и я никогда не узнаю, что в нем написано. Просто очень трудно с этим смириться.

Возможно, дедушка Лаурис, умерший несколько лет назад, был прав. Бабушка Исбьёрг писала только для себя, не для кого-то другого.

Яехала на восток на своей колымаге, не превышая скорости исключительно в силу того, что моя машина не отличалась особой мощностью по нынешним меркам. За очередным поворотом извилистой мощеной дороги увидела старый дедушкин дом. Он стоял на некотором возвышении и с одной стороны выходил окнами на море и острова Вестманнаэйяр.

Безграничная игровая площадка для гостившей у дедушки маленькой девочки. Но всегда сильный ветер, даже в середине лета, по крайней мере в моей памяти.

Я поехала вверх по дороге к дому, открыла ворота в проволочном заборе, на мгновение почти забыв о том, что после дедушкиной смерти дом купили молодые супруги с двумя маленькими детьми. С тех пор я сюда не приезжала.

На дворе стоял новенький легковой универсал. Когда я вышла из машины, меня встретила радостная собака.

Я знала, что для статьи мой визит ничего не даст, но что-то влекло меня к этому месту.

Очень много детских воспоминаний – хороших воспоминаний.

В дверях показалась молодая женщина.

Увидев меня, она немного помолчала. Явно пыталась сделать вид, что не замечает шрама от ожога на моем лице. Достаточно долгое молчание, чтобы напомнить мне, чем я выделяюсь из толпы.

Некоторые знакомые рекомендовали выяснить возможности пластической операции, но я так и не решилась. Вероятно, в глубине души хотела быть другой, завоевывать мир, преодолевая трудности.

Наконец молодая женщина с улыбкой поздоровалась:

– Добрый день.

– Здравствуйте, меня зовут Исрун.

– Точно. Вы ведь корреспондент? – Женщина смотрела поверх моего плеча. – А оператора с вами нет?

– А... нет, я не по работе. Пишу статью о своей бабушке. Она здесь жила.

– В этом доме?

– Да. Можно мне заглянуть?

Она пригласила меня войти. Трудно отказать тому, кого регулярно видишь в своей гостиной.

Я старалась получить удовольствие от этого визита, на меня нахлынули воспоминания, хотя новые хозяева внесли разные изменения. Большинство из них сами по себе были к лучшему, но очарование отчасти ушло: это был уже не старый добрый дедушкин дом.

Разумеется, я хотела бы там остановиться, если бы меня пригласили. Вместо этого договорилась пожить у тети, владевшей хутором неподалеку и сказавшей, что для родственников у нее всегда найдется свободная комната.

Я собиралась там выспаться, хорошенько отдохнуть и написать статью. Кроме того, условилась о встрече с двумя женищинами, которые хорошо знали бабушку Исбьёрг. Они охотно согласились вспомнить былые годы.

Я была исполнена предвкушения.

10

Свавар Синдрасон сидел у окна в старом соломенном кресле. Он часто здесь сидел и наблюдал за погодой. Вид – по большей части стена соседского дома – сам по себе восторгов не вызывал, но это не имело никакого значения. Он смотрел на небо.

Иногда он ходил в церковь на службу, скорее из чувства долга. Однако по-своему он был верующим человеком. Верил в высшие силы, хотя к Богу обращался редко. И не надеялся получить никакого ответа.

Ему шел пятый десяток. Он не планировал так долго оставаться в Дальвике, в этом старом доме. Собирался разбогатеть и уехать. Он жил здесь с самого рождения, хотя и с перерывами – некоторое время снимал квартиру и работал на юге, а после смерти родителей единолично владел домом. В этом городе ему было хорошо, но он всегда мечтал о маленькой квартире на юге Европы, где-нибудь на побережье, чтобы он мог расслабляться, наслаждаясь солнцем и прохладительными напитками. Однако его мечтам всегда что-то мешало осуществиться.

Свавар следил за новостями.

Он сидел у окна и думал о Всемогущем.

На сей раз в некотором смятении.

Его не отпускали вопросы о жизни и смерти.

О его собственной жизни. О смерти другого человека.

Как далеко он мог зайти, спасая свою шкуру?

У него была только одна жизнь, и он собирался ее прожить – но не за решеткой.

Наверное, нужно больше бояться смерти, чем тюрьмы.

Трудно было понять, какие именно последствия его ждут в случае обращения в полицию.

В то же время он довольно ясно представлял себе, что произойдет, если с полицией *не* связаться.

Он так часто использовал выражение «вопрос жизни и смерти», но только сейчас понял его истинный смысл.

Он продолжал не отрываясь смотреть в окно в надежде на какой-то ответ.

11

Когда расследовались интересные дела, буфет в отделении полиции Сиглуфьордюра становился популярным местом встреч. Первый посетитель, Омар по прозвищу Капитан, пришел вскоре после того, как стало известно, что человек, которого нашли мертвым, работал в тоннеле и жил в Сиглуфьордюре. Омар часто бывал в отделении, однако всегда приходил по доброй воле. Никто точно не знал, каким судном он командовал, но прозвище за ним закрепилось. Равно как и прозвище Преподобный за Ари, хотя у того никогда не было прихожан. Омар был пенсионером и пил кофе в участке, чтобы пообщаться.

– Как дела, Омар? – спросил Томас.

Омар и Хлинюр сидели за столом.

– Отлично, дружище. А у тебя?

Томасу не хотелось говорить о своих чувствах. Он хорошо знал, что именно стоит за этим вопросом – слухи о его жене, переехавшей на юг. Временно.

Томас подозревал, что их с женой отношения – или, вернее, отсутствие таковых – были излюбленной темой обсуждения в городе.

– У меня все хорошо, – сказал Томас.

Да, *иногда* ему действительно было хорошо, но только когда он не думал о жене. Он очень хотел уехать к ней, однако сделать это оказалось труднее, чем сказать. Вот взять бы отпуск, возможно годовой, и переехать на юг. Ари, вероятно, смог бы временно взять на себя руководство отделением. У него есть хватка.

– Работы много?

– Случается, – кратко ответил Томас.

– Ужасно, что этого человека... *убили*. – Последнее слово он произнес почти на актерский манер.

– А ты его, что ли, знал?

– Нет, бог с тобой. Он же был здесь только подрядчиком, так ведь? Пытался заработать на тоннеле. Они все хотят заработать на этом новом тоннеле. Насколько я знаю, он жил у Норы.

– Да, снимал у нее жилье, – подтвердил Томас.

Однако он не собирался снабжать Омара информацией.

Расследование проводил следственный отдел Акюрейри при помощи полиции Сойдаркрюкюра, своя роль была отведена и полиции Сиглуфьордюра.

Ари вцепился в дело мертвой хваткой. Допросил прораба Хакона. От него получил сведения о трех ближайших работниках покойного Элиаса: Пауле Рейниссоне, одно время работавшем у Томаса в отделении, Сваваре Синдрасоне, жившем в Дальвике, и наконец, о Логи Йокульссоне.

В ходе короткого телефонного совещания по этому делу Томас и Ари узнали, что Свавара уже допросили; он действительно знал Элиаса дольше других, но почти ничего не смог сообщить следствию. В разговоре с ним выяснилось, что коллегам Элиаса было известно о том, что тот строил дом в Скагафьордюре, покойный не делал из этого тайны.

Все указывало на то, что убийство было совершено ночью, но никакого мониторинга дорожного движения в это время не производилось, и никаких дорожных камер там не было, так что будет нелегко выяснить, кто проезжал в этом районе. Сварар сказал, что всю ночь спал, но живет он один, и подтвердить его слова некому. Не исключалось также, что преступление совершила женщина: чтобы ударить жертву дубинкой много сил не требовалось. При этом дубинка была не очень крупной: основной вред причинил гвоздь.

В жизни Норы Паульсдоттир было три составляющие. Неудачный брак, путешествия и необходимость смотреть в рот другим людям. Она выучилась на стоматолога, потому что была дочерью стоматолога, и в родительском доме для нее не видели иной карьеры. У нее же не было ни малейшего интереса к работе, и она стремилась организовывать ее таким образом, чтобы иметь возможность путешествовать, сколько позволяли финансы. Путешествия она любила больше, чем мужа, о чем он узнал через десять лет брака, и развелся с ней, лишив большей части имущества. Причиной развода, возможно, стали не только ее путешествия, но также и тот факт, что она не всегда сохраняла верность своему мужу.

Нора продала дом и купила квартиру, а разницу положила в свой фонд путевых расходов. Путешествовать она начала еще в университете. Больше всего ей нравилось ездить одной, с небольшим багажом, по неведомым странам.

Ей было бы недостаточно просто пожить на маленьком острове в Атлантическом океане. Ее все время тянуло к новым местам: посмотреть мир, погрузиться в чужую культуру и природу. И она использовала любую возможность попутешествовать.

Сначала была Европа, потом выбор пал на далекие и интересные страны Азии, Африки и Южной Америки. У нее появился любимый уголок на каждом континенте, и некоторые из них она посетила неоднократно. Каждый раз, открывая новое место своей мечты, она думала о том, что рано или поздно туда вернется. Но потом Нора вдруг осознала, что время – ограниченный ресурс и она либо будет тратить годы на то, чтобы снова и снова ездить в любимые города и страны, либо примет решение впредь посещать только новые места. Выбор пал на последний вариант. Когда ей исполнилось шестьдесят, она почувствовала, что путешествий с нее достаточно. Тяга к странствиям, похоже, ослабла. Ее подруги и приятели постепенно выходили на пенсию и говорили о путешествиях, круизах и трекингах в чужих странах, но она уже потеряла к этому интерес. Устала от блужданий по свету.

Примерно в то же время она вышла на пенсию и продала новую квартиру в Рейкьявике; собственно, она в ней так и не прижилась. Основной причиной, однако, стал большой кредит на покупку акций под залог квартиры, но значительные средства, которые она вложила в акции, мгновенно сгорели в банковский кризис. Поэтому Нора переехала в свой родной город Сиглуфьордюр. Там ей хватило средств на покупку уютного дома с видом на море. Верхний этаж она сдавала, это приносило ей регулярный доход, кроме того, ей нравилось, что она не одна в доме.

В Сиглуфьордюре она собиралась отдыхать. Наслаждаться жизнью. Все шло замечательно. Она принимала активное участие в жизни города, заводила любовников и проводила немало времени за чтением книг. Книгоманом она никогда не была, но получала истинное удовольствие от чтения за столом у окна гостиной с видом на фьорд.

Она была дома, когда в дверь постучал молодой полицейский. Нора ждала визита полиции с тех пор, как до нее дошли новости о том, что ее квартиранта нашли мертвым. Соответствующим образом оделась; негоже принимать полицейского в спортивных штанах и флиске.

Надеялась, что Томас придет сам, но вместо него пришел тот, кого в городе звали Преподобным. Тоже довольно симпатичный. Конечно, слишком молод для нее, но в жизни ничего нельзя исключать. Пожалуй, чересчур серьезный, в глазах какая-то пустота. Словно он потерял что-то важное.

– Входите. – Стоявшая в дверях женщина, скользнув по нему оценивающим взглядом, приторно улыбнулась. – Вы, должно быть, Ари.

Он уже привык к тому, что незнакомым людям было известно его имя. В таком маленьком городе работников полиции, похоже, знают все.

– Спасибо. Мне хотелось бы осмотреть комнаты Элиаса. Насколько я понимаю, он снимал у вас жилье.

– Совершенно верно. Это так прискорбно. Бедный. Он был такой милый.

Ее голос был немного неестественным.

Такой милый. Это была эпитафия по Элиасу Фрейссону. Чем не надгробная надпись?

Затем она добавила:

– А что мне делать с его вещами?

– Мы над этим работаем. У него могут быть какие-то наследники, они и заберут вещи, но сначала я должен их осмотреть. И лучше, если вы не будете ни о чем распространяться, – сказал Ари решительным голосом.

Стены в прихожей были темно-желтыми, на стенах небольшие плакаты. Справа лестница на верхний этаж. Коридор выкрашен в такой же темно-желтый цвет.

Однако сначала Нора проводила Ари в гостиную. Там был маленький камин, который в основном использовали как полку для безделушек и комнатных цветов. На стенах висели различные артефакты из Африки и Азии, картина из Рио-де-Жанейро. Это был дом путешественника, хранилище сувениров.

– Когда вы видели его в последний раз? – спросил Ари, сев на белый диван с тисненой тканевой обивкой.

Она села рядом с ним – слишком близко.

– Вчера, – ответила она. – Наткнулась на него вчера утром в коридоре. Он поднимался к себе на верхний этаж, не заходя ко мне, как вы убедились. Купив дом, я перепланировала его таким образом, чтобы можно было использовать каждый этаж как отдельную квартиру.

Она улыбнулась.

– Он не показался вам вчера обеспокоенным? Не заметили ничего необычного в его поведении?

Нора задумалась.

– Ну... пожалуй. Не обеспокоенным, но, возможно, немного взвинченным.

– Когда он сюда переехал?

– Несколько месяцев назад. Мы познакомились в фонде «Помощь на дому». Слышали о таком?

Ее голос стал мягче.

– Да, сдавал вам какие-то мелочи, – довольно холодно ответил Ари.

Она оживилась:

– Отрадно слышать! Так вот, Элиас сам предложил мне помощь, сказал, что у него достаточно свободного времени и он хочет сделать что-то для общества.

После короткой паузы она продолжила:

– В начале года ему понадобилось снять квартиру на несколько месяцев, пока будут идти работы в тоннеле. А я как-то обмолвилась на заседании фонда, что отремонтировала дом с таким прицелом, чтобы продать или сдавать верхний этаж. Он был идеальным квартирантом. – Она понизила голос и, казалось, старалась говорить о покойном только хорошее. – Его никогда не было слышно. В последнее время он вообще часто отсутствовал.

– У вас есть доступ в его жилье?

– Доступ? Да, разумеется, но я никогда туда не поднималась. Нужно уважать чужую частную жизнь.

Ари, однако, отнесся к ее последнему замечанию с долей сомнения.

– Каким человеком он был?

– Сказать по правде, чистый ангел. Я восхищаюсь людьми, которые тратят время на благотворительность. К тому же он был очень красивый. Мускулистый, прямо как вы.

Она подмигнула Ари. Он старался сохранять невозмутимость, но почувствовал, как румянец заливал щеки.

– Не стесняйтесь, вам незачем стыдиться своей внешности. – Она снова улыбнулась слащавой улыбкой и еще ближе придвинулась к нему. – Может быть, хотите что-нибудь выпить? Кофе? У меня также есть белое и красное.

Ари энергично встал с дивана.

– Давайте придерживаться официального тона, – холодно заметил он. – Будьте так любезны, позвольте мне осмотреть его жилье.

Это была не просьба, а распоряжение.

– Пожалуйста.

Нора, казалось, не приняла отказ Ари на свой счет.

Она проводила его наверх и уже приготовилась пройти вместе с ним, но он попросил ее подождать снаружи.

Верхний этаж дома явно не проектировали как квартиру. Там были две смежные комнаты. В свое время обе, вероятно, служили спальнями, но затем одну из них переделали в своего рода гостиную, совмещенную с кухней. Мебель явно была куплена для того, чтобы как-то заполнить пространство, а не декорировать его. На полу стоял холодильник, рядом с ним мойка и плита, но ни о каком кухонном интерьере не было и речи.

Спальня тоже была скорее безликой. Двуспальная кровать и несколько черно-белых фотографий на стенах. Личных вещей немного, пиджак на кровати, ботинки на полу, рядом с ними гантели.

В платяном шкафу лежали стопки одежды, а на дне стояла открытая спортивная сумка. В сумке виднелось большое белое полотенце, сложенное и неиспользованное.

Только подробно изучив содержимое сумки, Ари позвонил Томасу.

12

Исрун не понадобилось много времени, чтобы выяснить имя и место работы бывшей жены Элиаса.

Она изрядно поднаторела в поисках сведений о людях в Интернете – абсолютно в рамках закона. Просто некоторые ужасно неосмотрительны в этом отношении. Более того, Исрун с легкостью находила разного рода информацию о людях и в прошлые годы работы корреспондентом. Теперь же, когда в ее распоряжении, кроме соцсетей, были еще и выложенные в Интернет старые газеты, она и вовсе делала это играючи.

Облако вулканического пепла над Рейкьявиком становилось все плотнее; замечательная девушка из метеобюро оказалась права. Было необычно тепло, однако назвать погоду хорошей нельзя: слишком сухой и загрязненный воздух.

Исрун радовалась возможности оказаться в машине и устояла перед соблазном открыть окно, хотя жара в салоне была почти невыносимой. Бодрая летняя музыка раздавалась из радиолы, пока она ехала в столичный порт, где Идунн, бывшая жена Элиаса, держала небольшое кафе.

В порту было довольно спокойно, несколько туристов ждали лодки, чтобы отправиться наблюдать за тупиками и китами. Иногда по выходным Исрун ходила на портовый рынок за свежей рыбой, в основном палтусом. А иногда работала или того хуже – просто не могла встать с кровати.

В кафе было уютно, тихо играла спокойная музыка, деревянный интерьер в теплых тонах, бодрящий аромат кофе. Тут тщательно следили за тем, чтобы держать двери закрытыми, и не открывали окна, так что воздух внутри был существенно лучше, чем снаружи, но все равно пепел немного чувствовался. За одним столом сидела пара с детской коляской, жена цедила кофе, муж пил воду, спрятавшись за свой ноутбук. У стойки стоял мужчина и разговаривал с официантом, его сопровождала большая собака.

Затем взгляд Исрун упал на нее. Идунн.

Это была та же самая женщина, что и на фотографиях, которые Исрун откопала в старой газете. Элиас и Идунн на сорокалетнем юбилее популярного политика. Единственное отличие: теперь она покрасила волосы в огненно-рыжий цвет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.